

АЛЕКСАНДР СЕМЁНОВИЧ НАРИНЬЯНИ

01.11.1937–26.04.2010

Кандидат физико-математических наук, академик РАЕН.
Сын известного советского фельетониста Семёна Давыдовича Нариньяни (1908–1974).

Окончил МИФИ в 1963 г.

В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Асинхронные вычислительные процессы над общей памятью».

Основатель Российского НИИ искусственного интеллекта, директором по научной работе которого он был до момента ухода из жизни.

Основатель и генеральный директор фирмы «Интеллектуальные технологии», член Координационного совета Международной ассоциации искусственного интеллекта и вице-президент российской ассоциации, организатор семинара «ДИАЛОГ», председатель Программного комитета ежегодной Международной конференции «ДИАЛОГ» (компьютерная лингвистика и ее приложения), координатор десяти программ международного научного сотрудничества с Францией, Чехословакией, ГДР, Нидерландами.

Автор около 200 научных публикаций в России и за рубежом (на четырех языках в семи странах). Член редколлегий нескольких журналов и более двадцати сборников трудов.

Работы Александра Семёновича Нариньяни посвящены изучению искусственного интеллекта и лингвистического программирования, он был одним из пионеров в области речевого ввода компьютерных команд.

Тематическое поле исследований: параллельные вычисления, представление и обработка знаний, экспертные системы, компьютерная лингвистика, обработка данных на базе аппарата недоопределенных вычислений, интеллектуальная программная технология следующего поколения.

О проблеме e-homo Александр Семёнович начал размышлять еще в конце 1990-х годов, что отражено в ряде его публикаций:

Нариньяни А. С. Искусственный интеллект: стагнация или новая перспектива? // КИИ'98: Труды 6-й национальной конференции по искусственному интеллекту. – Пущино, 1998. – Т. 1.

Нариньяни А. С. eНОМО – два в одном (Homo Sapience в ближайшей перспективе) // Новое в искусственном интеллекте. – М.: ИИнтелЛЛ, 2005. – С. 260–274.

Нариньяни А. С. ИИ: философский камень или камень преткновения? // Десятая национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ–2006 (25–28 сентября 2006 г., Обнинск). Труды конференции в 3 т. – М.: Физматлит, 2006.

Нариньяни А. С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 3–17.

С некоторыми публикациями можно ознакомиться в Интернете:

ИИ: философский камень или камень преткновения? // Сетевой ресурс: <http://sirius-2.narod.ru/n621.html>

Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Сетевой ресурс: <http://www.shapovalov.org/news.857.html>

Е-НОМО: НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО¹

Хоружий С.С.: Коллеги, переходим к началу очередного заседания. Сегодняшняя тема сверхвысокотехнологична: «Электронный человек ближайшего будущего». Понятно, что она созвучна нашему семинару, и я надеюсь, мы сможем продвинуться в прояснении некоторых давно у нас намечавшихся вопросов. Пока в тематику радикальных перестроек человеческого существа мы совершали лишь небольшие вылазки. Первая такая вылазка – специальный выпуск «Философских наук»², в котором затрагивалась проблематика постчеловека. Вторая вылазка – это рабочий семинар в Новосибирске (декабрь, 2009 г.), который назывался «Радикальные антропологические тренды». Тема сегодняшнего доклада звучит еще радикальнее. В Новосибирске, рассматривая антропологические тренды, мы все-таки были ближе к наличному облику человека. Речь шла о разных экстремальных практиках, которые современный человек устраивает, но не о таких, где он попросту прекратит свое существование в качестве наличного вида и станет чем-то совершенно другим.

В описании же сверхрадикальных трендов (если нет возражений по терминологии, то мы будем их широко называть «постчеловеческими») всегда был некий общий логический момент, который требовал прояснения. Он очень простой. Когда в дискурсах техногенной цивилизации и сверхвысоких технологий говорится о трансформациях человека, то обычно звучит такая формулировка: «очень скоро современный человек превратится в ту или иную вариацию киборга или мутанта». В данном случае речь в докладе будет идти о вариации e-homo. Но прежде чем обращаться к конкретному описанию вариации, мне хотелось бы услышать ответ на такой, может, профанный, примитивный вопрос. Говорится, что новая вариация будет качественно отличаться от знакомого нам человека и что это будет в прямом смысле новый вид. То есть, речь идет о трансформациях антропологического и персонологического характера, о трансформациях базовых структур личности и идентичности человека. Но как мы знаем, именно к тому, что делается с такими базовыми структурами, человек особо чувствителен. Как правило, он стремится отдавать себе отчет и следить, чтобы их изменение было сугубо осмысленной и отрефлектированной стратегией. То есть в антропологическом и персонологическом сознании мы полагаем, что человек превратится в нечто иное, если прежде *захочет* превратиться. И это – решающая предпосылка, которая обычно в техногенном дискурсе упускается из виду. А когда она упускается, то логика оказывается сразу сомнительной. Вот человек развивает сферу некоторых технологий (в данном случае, компьютерных). Далее он замечает, что эти технологии применимы и к нему самому, и если начать их прилагать к человеку, то он трансформируется в нечто радикально иное, например в e-человека. И тут происходит логический скачок. Говорится не о том, что человек может превратиться в нечто иное, если захочет, но о том, что это превращение есть неотменимый тренд. Получается, что модальный дискурс (возможности) превращается в совершенно иной дискурс – такой, как если бы кроме технологических объектов никаких других в концептуальной картине не было. И речь уже идет даже не о тренде, а чуть ли не о столбовой дорожке развития человечества: человеку суждено лет через 10–20 стать тем-то и тем-то.

¹ Стенограмма 49-го заседания семинара «Феномен человека в его эволюции и динамике», состоявшегося 11 марта 2010 г.

² Специальный выпуск журнала «Философские науки». – 2008. – № 2, посвященный синергийной антропологии. См.: Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии. – С. 10–31.

Но эта логика подобна той, как если бы при изобретении мясорубки обнаружили, что с ее помощью человеческое вещество можно превратить в фарш и, следовательно, человеку через 15 лет суждено превратиться в «человека-фарш», поскольку индустрия мясорубок быстро развивается. Такая логика, очевидно, вызывает сомнения. В «человека-фарш» мы как-то не превратились, мясорубки сами по себе, а мы сами по себе. А в случае с e- homo какова логика? Мой пример свертутрированный, но методологически он имеет право прозвучать.

Конечно, я понимаю, что есть большая разница между «человеком-фаршем» и e- homo, но для рефлексии я предлагаю такое исходное пространство. В чем разница между логикой технологического дискурса, которую я в утрированном виде изобразил, и логикой размышления о перспективах человека в контексте развития компьютерных технологий? Здесь речь идет об особой технологии: у нее есть свои внутренние, имманентные ей, встроенные антропологические аспекты. E-технологии в чем-то принципиально отличаются от «мясорубочных». И где-то здесь должен разворачиваться разговор, в котором я надеюсь получить ответы на свои исходные примитивные сомнения гуманитария. Простите за такое затянувшееся вступление. Надеюсь, что методологически и идейно это было не бесполезно. А засим, я предоставляю слово докладчику.

Нариньяни А.С.: Коллеги, я немного разочарую председателя и присутствующих, потому что о физиологическом изменении человека пока речи нет, но доклад построен именно на том, что процесс изменения происходит прямо сегодня. Мы на этот самый путь от homo sapiens к e- homo. Почему? Да потому, что мы смотрим с компьютера презентацию доклада, а еще у всех мобильники в кармане. И достаточно этот мобильный потерять, а компьютеру сломаться, как все будут чувствовать себя очень дискомфортно. В то время как 50 лет назад ничего этого не было, и люди все прекрасно жили. Вроде бы, тот же человек и не совсем тот же. И это только очень и очень раннее начало. А развитие идет таким образом, что легко продемонстрировать, что будет через 5–20 лет. И будет ли это тот же homo, что тут сидит, это еще очень большой вопрос.

Что касается фарша, то нам с председателем чуть-чуть дискутировать даже положено. Например, я знаю один эксперимент, который в нашей стране произошел 20 лет назад. Здесь образ фарша очень даже напрашивается, потому что из довольно значительной части нашего населения фарш изготавливается и довольно круто. Причем фарш даже не против этого. Может быть, здесь сидящие и не фарш, мы не хотим этого и не будем. Но нас в этом смысле не так много осталось, а фарша все больше. Хотя при этом никакие компьютерные технологии тут не участвуют. Участвует элементарная промывка мозгов, хорошо разработанная. Мы, может, этого и не хотим, ну и что? Например, я лет пять не смотрю телевизор. Ну и что? Я не смотрю, а фарш смотрит, вот и все. Я ни в коем случае не имею в виду присутствующих. Но это просто некая антитеза тому, что сказано председателем. Теперь я перехожу к докладу.

Еще пару слов скажу о том, откуда это вообще все взялось. Все-таки я специалист не в области предсказаний будущего человека. Но, тем не менее, наблюдая процесс того, насколько мы интегрируемся с мобильником, компьютером, Интернетом и с многим чем еще, я поневоле думаю, а что же будет через 5–10 лет? И, в общем, эта картина, которую я сейчас буду докладывать присутствующим, у меня прорисовалась. Она многоплановая. Наша цивилизация – это не что-то от нас отличное, это мы. И если мы меняемся, то меняется и цивилизация. А раз меняются технологии, и меняется цивилизация, значит, меняемся и мы. Получается такой интегрированный букет.

Есть конференция, которая называется «Диалог». Она ежегодная, посвящена компьютерной лингвистике и представлению знаний. Я решил сначала сделать доклад

там, в надежде на то, что в конференции участвуют знакомые мне люди, фарша там точно нет. Там сидят специалисты в области компьютерной лингвистики, и я решил: мне будет интересно им это рассказать, послушать их мнение о том, что я упустил, или где я переборщил. Мой доклад, безусловно, не «черный», а скорее, амбивалентный. Я там выступил, и вдруг меня чуть ли не обкатали в дегте и перьях. Причем это люди, которых я хорошо знаю и которые меня хорошо знают. Меня это поразило, но подтвердило мою гипотезу, что что-то происходит. Поскольку тема важная, то я и сюда приехал. Безусловно, я с интересом слушаю дискуссию.

Я воспроизводил доклад несколько раз, и он, естественно, чуть-чуть эволюционировал. Он печатался в «Новой газете» по частям, в четырех или пяти выпусках. В «Вопросах философии» появился целиком и еще кое-где. Но по-настоящему, честно говоря, никакой толковой дискуссии до сих пор не было. У меня есть намерение (хотя и трудно осуществимое, поскольку все-таки это не основное мое занятие) попробовать организовать круглый стол на эту тему. Но не для того, чтобы продемонстрировать очередной апокалипсис. Речь идет о том, чтобы посмотреть, что тут недосмотрено, упущено или переборщено. Возможно, необходимы какие-то поправки, но не отметание с порога. Перейдем непосредственно к теме доклада.

Еще при жизни сегодняшнего поколения *homo sapiens* превратится в *e-homo*. Этот термин я придумал по аналогии с «e-mail» и т.п. вещами. Это такой новый вид, который биологически сохраняет принадлежность к *homo sapiens*, но качественно значительно от него отличается за счет симбиоза со стремительно развивающимися сверхвысокими технологиями. Это, конечно, не только электроника, так что «Е» здесь чисто символическое. Сейчас это и нано-, гено-, био-, и еще лет через 10–15 появится столько же нового.

В докладе делается попытка представить, каким будет этот *e-homo* и формирующаяся вместе с ним *e-цивилизация*. А какая она? Такая, какая за окном, такая и будет? Ничего подобного. 20–30 лет назад она была другой, а 100 лет назад и подавно. Цивилизация все время меняется, просто мы это плохо замечаем. *E-homo* не возникнет спонтанно, откуда-то. Человек уже эволюционирует, превращаясь в *e-homo* шаг за шагом. Поэтому нельзя указать момент, когда это точно произойдет и *e-homo* станет реальностью. Можно сказать, что этот *e-homo* уже среди нас. Наверное, молодежь это лучше чувствует. Есть оценки, сколькими посланиями с мобильного на мобильник, состоящими из одной-двух фраз, обмениваются абоненты сотовых телефонов. Я, например, посылаю SMS, может быть, раз в месяц, по необходимости. Но есть масса людей, которые отсылают их десятками в день. Значит, это какой-то другой образ жизни, не так ли? Но образ жизни не существует отдельно от человека, а только вместе с ним. Поэтому надо сказать, что этот *e-homo* уже среди нас. Мы сами понемножку меняемся, трансформируемся, потому что лет 10 назад потребности в мобильнике не было, и в ноутбуке тоже, да и был он далеко не у всех. А сегодня – это необходимость.

Итак, сегодня у будущего *e-homo* в руках ноутбук и мобильный телефон, который стремительно вбирает все больше функций, двигаясь к полной интеграции с информационно-коммуникативно-технологической средой (ИСТ-средой). Опять-таки это громко звучит. Мы спокойно живем в текущем моменте, совершенно этого не замечая. А ведь 20 лет назад не было ни Интернета, ни мобильного телефона. А 30 лет назад не было и персонального компьютера. Вроде, это были мы, потому что подавляющее большинство еще помнит, что было 30 лет назад. Тем не менее, это была совершенно другая среда. Сегодня мобильники есть больше чем у четырех миллиардов людей. А Интернет у полутора миллиардов, персональный компьютер – у миллиарда. И это верхушка айсберга. Так что, это та самая цивилизация.

И можно сказать, что мобильник – это, образно говоря, такой топор, из которого варятся щи нашего близкого будущего. Мобильник пять лет назад – это одно, а смартфон сегодня – это уже компьютер. У него экран маловат, но это исправимое дело, и буквально сейчас оно исправляется. Префикс «Е» очень быстро теряет свой первичный смысл. Сегодня суперсовременная электроника – это лишь макет недалекого будущего. Почему? Да потому, что этот макет все время в динамике, все время меняется. Тридцать лет назад прототип мобильника возили в автомобиле, он весил 30 килограммов, а сегодня спор идет о двадцати граммах – плюс или минус, примерно так. Так что впереди, прямо рядышком с нами всякие био-, нано-, гено- и многие другие технологии, еще пока нам неизвестные.

Темпы реального электронного развития зависят от развития всего остального: памяти всех уровней, интерфейсов, периферии и т.д. Так вот, если подсчитать, как развивается вся вот эта информационная техника, то компьютер меняется не два раза за два года, как иногда говорят. Это смешная оценка. *Он меняется на порядок в год.*

Мы просто этого не чувствуем. Это уже много нулей и мы перестали эту разницу ощущать. Однако, это так. Сегодняшний средний ноутбук на порядок эффективнее всей вычислительной техники мира сорок лет назад, а это совсем не так далеко. И каковы будут ресурсы электронного человека через 10-20 лет при полном его включении в мировую вычислительную сеть, мягко говоря, предсказать трудно, но интересно, как говорится, пощупать.

Каким будет e-homo? Точные временные оценки тут невозможны. Почему? Потому что такое смотрение вперед всегда совмещает портреты оригинала в юности и лет 20 спустя. В прогностике это вообще несколько слоев. Поскольку на одну шкалу их спроецировать невозможно, то о чем-то мы сможем сказать позже, о чем-то – раньше, но для нас все это сливается в один образ, и он постоянно эволюционирует. Так вот, займемся реконструкцией портрета будущего e-homo по отдельным деталям, которые сейчас видны, иногда явно, а о других деталях мы еще даже не догадываемся. Это примерно так же, как создается образ неандертальца по фрагментам черепа. Хотя, неандерталец, вероятно, возмутился бы тем, как его реконструировали.

Все можно разделить на два плана: общий, отражающий влияние технологий на ближайшие горизонты нашей цивилизации – ноосферы в целом, и индивидуальный, отражающий черты отдельного e-homo. То есть это сочетание «два в одном», которое отражает симбиоз homo и этой приставки «е». Мы все себя homo осознаем, а «е» как бы с возмущением отвергаем. Однако, я утверждаю нечто противоположное: новые возможности личности в контакте с расширяющейся e-цивилизацией. Она же крутом и совершенно не та, что 20 лет назад. Кто-то это прекрасно знает, а кто-то скажет что нет, все – то же самое. Нет, не то же самое: и психология, и физиология самого e-homo меняется. Что будет с ним происходить? Хотя тут говорилось, что ничего с ним не будет происходить. Все говорят, что с ним будет что-то происходить, а он, как был, такой и есть. Но это спорный тезис.

Хоружий С.С.: Вы так поняли, что я говорил? Но само название нашего семинара «Феномен человека в его эволюции и динамике». На каждом семинаре мы рассматриваем, какова эта динамика и говорим, что происходят непонятные и быстрые изменения. Так что тут мы как раз солидарны.

Нариньяни А.С.: Это не к Вашим словам, это к воображаемому оппоненту. Я тоже уверен, что изменения происходят. Мы бегло рассмотрим следующие пункты:

1. *Влияние прогресса, микро- и нано-технологий, симбиоз с потомком мобильника.* Потому что через пять лет это будет не совсем то, что мы привыкли называть мобильником, а через десять лет совсем не то.

2. *Е-возможности формирования личности человека.* Человек во всем этом постоянно варится.

3. *Глобализация индивидуального общения.* Интернет, вроде бы, нам тут не дает выбора.

4. *Е-нотто и «Большой брат».* Мы знаем что такое «Большой брат».

5. *Е-нотто крупным планом.* Это тоже любопытно. Мы не будем рассматривать кучу других аспектов, на которых нет ни времени, ни большого желания. Я буду рассматривать скорее общечеловеческий аспект, хотя есть еще, например, «интеллектуальный дом». Он тоже оказывает большое влияние.

Вопрос из зала: Что такое «Большой брат»?

Нариньяни А.С.: Это у нас на Лубянке, а вообще-то он кругом. В эпоху моего школьного детства считалось, что из трех человек один обязательно имеет отношение к «Большому брату».

Хоружий С.С.: Обобщенно Вы имеете в виду технологии контроля и управления сознанием?

Нариньяни А.С.: Ну, да. «Большой брат» – это не мой термин, это из книги Джорджа Оруэлла «1984».

Хоружий С.С.: Этот термин в романе специфически относился к тоталитарному устройству, но сейчас мы, вроде бы, не о нем говорим?

Нариньяни А.С.: «Большой брат», так или иначе, существует в любом обществе. Не как отдельная личность, а как компонент общества.

Хоружий С.С.: Понятно, просто мы уточняем, чтобы знать, что Вы имеете в виду.

Нариньяни А.С.: *Культура* (мы ее коснемся очень косвенно), *транспорт* (он, естественно, изменится прилично), *политика, война* и т.д. и т.п., – все, конечно, будет меняться.

Я выпускаю дайджест, который рекомендую присутствующим. Он называется «Интеллектуальные информационные технологии» и выходит три раза в месяц. В нем примерно по 100 информационных сообщений, рассылается бесплатно. Есть информационный сайт «Диалога»³, там масса таких текущих новостей на эту тему. И в частности там время от времени мелькают сообщения о том, что происходит на военном фронте, насколько роботы и общие интеллектуальные системы там развились и т.д. и т.п.

Далее рассмотрим раздел, который назовем так: «*Драматические роботы внутри нас*». Это вышеупомянутые гено-, микро- и нано-технологии. Это влияние на долговременные структуры – всякие резидентные-чипы, элементы длительного (дни, месяцы) и оперативного (часы, секунды) действия, которые могут действовать внутри организма. Например, вы выпили стакан с нано-роботами, а у они у вас через половину суток, может, и вышли, а может, внедрились и сидят в организме, поддерживают вас в состоянии молодости и здоровья, или еще каком-то. Внедрение в организм датчиков и эффекторов для биомониторинга, физиологической регуляции, медицинского контроля, лечения уже начинается. Внедрение чипов уже идет, идет проведение таких экспериментов. Все это выглядит пока лабораторно. Но надо сказать, что и мобильник 40 лет назад был совершенно лабораторным, и Интернет, и мы сами 20 лет назад, когда все это начиналось, даже не догадывались о таких его сегодняшних масштабах.

В ближайшем будущем тело человека будет становиться все более «прозрачным», с этой точки зрения. Нано-роботы (условно говоря, поскольку они и нано-, и био- и гено-) – искусственные микроорганизмы, работают на благо человека, а может быть

³ Электронный ресурс: http://www.dialog-21.ru/news/about_digest.asp

и не совсем на благо. Их можно выпить из стакана как чистую воду, а они попадут в капилляры, человека полечат, где-то и как-то вращаются, вживутся, и так далее. И это не фантастика, а реальность. Через 10 лет это начнется уже основательно, а через 20 лет будет повседневностью. Примерно так же, как сейчас мобильник.

Другое дело, этих нано-роботов, условно говоря, могут быть миллиарды вариантов с использованием миллиарда вариантов технологий, часть из которых относится к человеку, а другая – нет. Совсем недавно, опять-таки совершенно в отрыве от моей собственной профессии и интересов, появилась у меня тема – «Человечество через 300 лет». Поскольку 10, 20, 30 лет – это еще как-то экстраполируется, а вот 300 лет – это уже интересно, поскольку экстраполироваться тут ничего не может.

Напоминаю одну историю. При переходе в XX век прогноз будущего развития обсуждался многими умными людьми, которые выдавали свои предсказания на начало XX века. Был там такой известный смешной прогноз, сделанный всерьез о том, что в Лондоне будет невозможно жить, поскольку на улицах отходов от лошадей будет по пояс. Транспорт тогда был преимущественно конный, и на улицах было полно конского навоза. Эту ситуацию экстраполировали на сто лет вперед и получилось, что ходить по улицам будет нельзя. Но мы видим, что дерьма нам хватает, но уже не от лошадей, а от автомобилей или еще от чего-то.

Итак, человек становится все более прозрачным и управляемым, вплоть до генов. Хорошо, если это будет идти во благо, но может обернуться и иным образом.

Развиваются также технология связи и управления, во-первых, от мозга наружу. Если я, например, парализован, то управляю компьютером без нажатия на клавиши. И, вообще, зачем мне жать на клавиши? Я просто что-то сказал или подумал, а оно и делается. И, во-вторых, извне к мозгу, то есть – это расширение возможностей личности: воздействие на ЦНС в лечебных целях или для коррекции в психологии. Например, человек перепил, что-то выделяет там, а можно его притормозить. Также это может использоваться для ограничения агрессии, блокирования боли, мобилизации и т.д. и т.п. И как всегда границы воздействия здесь очень условны: они могут быть на благо личности, или общества, или в интересах третьей стороны, поскольку технологии представляют все более и более широкий простор для манипулирования.

Следующий раздел имеет такое название: «*Наш милый е-друг*». Растет поток электронной информации. Электронной, поскольку мы пока пользуемся электроникой как носителем, а носители, вообще-то, могут быть совершенно другие. Текст, речь, кино, фото, музыка, телевидение, виртуальная реальность, – все это уже используется вовсю, и вот-вот к этому набору добавятся тактильные ощущения и запахи, такие эксперименты уже идут. Но это еще далеко не все. Сегодня потеря компьютера означает утрату части личности, контактов, архивов за многие годы и т.д. и т.п. Пока наш е-друг – то есть та обстановка, которая теперь от нас неотделима и нам нужна, – еще очень прост. Ему еще далеко до секретаря, помощника, консультанта. Пока это, условно говоря, библиотекаря при нас. Но за 5–10 лет (нам это, конечно, не грозит, но к тем, кто ходит сейчас в детский сад, это гораздо ближе) вполне достижимо состояние человека, который будет находиться как бы в таком личностном информационном коконе. Этот кокон будет его воспитателем, защитой, помощником, дополнением, усилителем, продолжением, его альтер-эго, помогающим в его развитии, и развивающимся вместе с ним. Понятно, что кокон будет персональным для каждого. По мере развития технологии он будет расширяться, углубляться, его возможности будут расти, равно как и человека внутри этого кокона.

Больше 35% наших соотечественников не могут ни дня прожить без своего мобильного. Это было несколько лет назад, а сейчас их уже больше 50%. Почти

половина россиян готова отказаться от своего сотового только в случае крайней нужды. Это результат социологических опросов, а не мое утверждение. Психологи убеждены, что это уже не просто желание всегда оставаться на связи, а новое психологическое расстройство, зависимость, появившаяся несколько лет назад на Западе. Это расстройство назвали «мобиломанией». В печати есть масса сообщений на эту тему, полуанекдотических или часто полумедицинских. Подверженные сотовой зависимости люди, забыв или потеряв свой телефон, испытывают стресс, постоянно раздражительны и склонны проявлять немотивированную агрессию.

Новая среда обитания. Цивилизация для человека – это среда обитания. Интернет уже стал частью мобильного, он входит в каждую квартиру, в комнату, а скоро «попадет к нам под кожу», как говорят на Западе. Интернет становится такой единомерной системой, это уже факт. Он становится системой цивилизации, дверью в «новый блестящий мир», который, с одной стороны, полон всяких новых возможностей, а с другой – неприятностей. Значит: справки, услуги, все виды консультаций, образования, хобби, развлечений, реализация в бизнесе, науке, искусстве ограничены только лишь личностными способностями и удачей и напрямую связаны с нашей е-цивилизацией. Сегодня уже: интернет-консультации усложняются, растет спектр e-услуг (электронная торговля, банковские расчеты, интернет СМИ и т.д.).

Электронное образование сегодня еще только формируется, но скоро e-home сможет учиться всему, не выходя из дома. Так и должно быть отчасти. Не в смысле, что не надо выходить из дома, а просто электронное образование может быть более совершенным. Привлечение ведущих специалистов, средств мультимедиа позволяют создавать программы, намного превосходящие уровень среднего вуза. Средние вузы сегодня падают вместе с ведущими, поэтому средний вуз – можно сказать плохой вуз. А электронная система может быть замечательной. Развитие этого сектора будет менять традиционную систему обучения в школах и институтах, кроме тех составляющих, где виртуальная реальность не может полностью заменить прямой опыт. Но и тут прямой опыт может сокращаться до минимума. Например, первые недели практики начинающий водитель получит, разъезжая на виртуальном автомобиле по Москве в условиях, мало отличимых от реальных, кроме возможности попасть в настоящее ДТП или столкнуться с гаишником. Это e-возможности.

Следующий раздел – *развитие систем массовой информации, бизнеса, науки, искусства в рамках е-цивилизации.* Уже сейчас электронный бизнес гиперактивен по всему фронту (это мы хорошо чувствуем по пачкам реклам, которые лезут везде «без мыла»): от спама до электронных бирж, от хранилища данных до ситуационных центров, все эти B2B, ERP и т.д. и т.п.

Хоружий С.С.: Можно сказать пару слов о том, что такое ситуационный центр?

Нариньяни А.С.: Например, какой-нибудь Аэрофлот, call-центр. Тот, кто звонит, хочет какую-то справку получить или что-то заказать, ему все равно, кто там отвечает.

Хоружий С.С.: Что такое B2B и ERP?

Нариньяни А.С.: B2B – это Business to Business. Отношения внутри бизнеса. ERP – система управления. Таких сокращений масса.

Хоружий С.С.: То есть, это виды коммуникационных систем?

Нариньяни А.С.: Да, это спецсистемы, которые уже сидят в бизнесе и вовсю развиваются. Какие-то работают на распознавание голоса, какие-то расширяют интеллектуальные возможности и т.п. Теоретические науки вообще не требуют присутствия ученых в одном месте. Хотя, конечно, мы здесь вот сидим, и это мероприятие приятное и в чем-то необходимое, но прямые контакты могут обеспечиваться и видеосвязью, и телеконференциями. Представим себе, что мы сидим дома, но всех видим, все реагируют. То есть, мы присутствуем здесь, только не

физически, а, мягко говоря, электронно. До тех пор, пока экранчики у нас маленькие и видеокамеры небольшие, это выглядит немножко искусственно. А через двадцать лет экраны будут какие хочешь, еще и объемные и тогда виртуально можно почувствовать себя в такой же точно команде, как сейчас. При этом возможно собрать гораздо больше людей. Кому-то сложно ехать или не получается, а тут подключился, и он на конференции.

Сочетание компьютерного моделирования и виртуальной реальности позволяет все больше заменять материальный эксперимент машинным. Есть области науки, которые связаны с экспериментом – физическим, химическим, электронным, каким угодно. Но они все тоже могут моделироваться.

Хоружий С.С.: Трехмерные виртуальные связи – это в пределах вашего ближайшего диапазона или это требует большего?

Нариньяни А.С.: Трехмерные телевизоры уже начинают продаваться. Их, по моему, в Штатах продают уже две фирмы, поскольку где-то месяца через два один из каналов уже запускает трехмерные передачи. В этом смысле трехмерность – ближайший диапазон. Если я делал бы доклад будущей осенью, то уже говорил об этом в перфекте.

Таким образом, если вернуться к науке, то ученым никуда ходить не надо: сидишь дома, в какой-то момент договорились и включаетесь в телеконференцию, проходит заседание лаборатории, что-то обсуждается с присутствием всех. Эксперимент может еще какой-то быть, хотя и его можно смоделировать, вплоть до взрыва атомной бомбы. Может, еще что-то останется, но это опять же зависит от уровня развития соответствующих технологий.

Так, продолжаю пугать присутствующих, или наоборот.

Искусство. Где начинается электронное искусство и каковы его перспективы – это, конечно, заслуживает отдельного обсуждения. Результаты последнего десятилетия использования информационных технологий в кино, музыке, дизайне говорят сами за себя. Половина присутствующих, может, смотрели американский 3D-фильм «Аватар». Люди в кинотеатре временами очень даже пугаются, наклоняются. Не буду говорить, почему – это ясно. Электронные виды искусства размножаются, как и виды спорта. Например, в Канаде на зимних Олимпийских Играх было уже в два раза больше видов спорта, чем десять лет назад. И виды искусства плодятся очень быстро, а возможности виртуальной реальности делают перспективу ее применения в искусстве совершенно непредсказуемой. Не только трехмерное объемное изображение, но и тактильные ощущения, запахи и т.д. делают виртуальную реальность неотличимой от физической.

Средства массовой информации. Наши традиционные СМИ доживают последние годы. Почему? Телевидение превращается в цифровое, широкоэкранное, интерактивное, объемное и все более персональное. Сайт становится не менее важной частью газеты и журнала, чем привычная бумажная форма. Время окончательной победы Интернет-изданий над традиционными определяется только шириной доступных каналов и размером мобильных экранов. У традиционного телевидения, если оно и выживет, останутся только те слои населения, которые не ощущают потребность выбора. Они предпочтут существовать в привычном мире искусственного информационного питания, что мы и наблюдаем.

Глобализация общения. Например, для любителей игры в Го необходима среда общения, общество единомышленников, энергетика которого максимально высока. Еще недавно такое сообщество формировалось локально. Любители собирались во дворе или где-то в районе, ограничиваясь традиционными средствами коммуникации. Теперь коммуникация вышла на такой уровень глобализации, который обеспечивает

возможность участия в общении людей, находящихся в любой точке земного шара. Глобальные сети делают контакт в реальном времени таким же привычным элементом любого дома, как и телевизор, когда он появился во второй половине двадцатого века. Действительно, кто мне мешает играть в шахматы, к примеру, с гражданином Австралии? Абсолютно никто. Это означает, что границы скоро потеряют смысл. Российский гражданин сможет находиться в гораздо более активном прямом контакте с русскоязычной диаспорой, например, в Гренландии. Или, живя там, человек сможет активно общаться со всей русскоязычной диаспорой, чем сегодня по месту жительства. Еще сорок лет назад люди на одной лестничной площадке друг друга знали, а теперь нет. Живя в деревне, можно будет найти партнеров по хобби на другом конце Земли, получить образование в Оксфорде, консультации в лучшем центре Тибетской медицины или еще чего-нибудь.

Тут, конечно, маячит вопрос платности, поскольку медицина у нас на глазах за счет платности превращается в нечто противоположное, но это все отдельные составляющие. Их я пока оставляю в стороне.

Нервная система ноосферы – Интернет (и не только он) – все более усложняется. Его роль во благо кажется очевидной. Мы радуемся каждым новым возможностям сети. Уровень эффективности ее организации растет и может вырасти (и обязательно вырастет) многократно. Так же многократно расширяется спектр возможностей для творческой реализации каждого человека, поскольку человек в этой мировой сетевой системе, конечно, клетка.

Эффект во вред тоже неизбежен. Почему? Информационная избыточность сродни свободе слова. В ее белом шуме можно найти любую точку зрения. Но чтобы быть услышанным, нам необходимо мощное усиление, которое обычно еще и дорого стоит.

Сложность – сестра уязвимости. Мы видим действие все более хитрых вирусов и талантливых хакеров, взламывающих самые непреодолимые системы защиты. Реклама, PR, манипулирование сознанием уже приспособливают для себя Интернет и прочие е-составляющие цивилизации, используя примерно те же самые приемы, что в уже подмятых ими бумажных СМИ, а электроника делает это манипулирование ежеминутным. Каждый шаг технологического процесса обрастает тканью цивилизации, становясь ее необходимым компонентом, укрепляя ее в одном плане и делая более уязвимой, в другом. Например, отключение электричества (а особенно канализации) в городе может вызвать катастрофу, тогда как в небольшой деревне это всего лишь вполне поправимые трудности. Что касается электричества, то телевизор, конечно, не посмотришь, но можно зажечь свечку. А вот с канализацией... Если это двадцатипятиэтажные дома, то последствия даже трудно себе представить.

Что касается свободы (мы говорили про Большого Брата – это к тому разделу), то чем выше технический уровень ноосферы, тем более зависимым от нее становится e- homo. Его индивидуальность контролируется уже не только уникальностью его отпечатков пальцев. В загранпаспорте, который нам буквально со дня на день начнут выдавать, будут задействованы не только отпечатки пальцев. Биометрия расширила набор средств идентификации: голос, зрачок, ДНК и т.д. И оглянуться не успеем, как вшитый в человека чип (может, не в человека, а в паспорт) будет сообщать его личный набор параметров и место на карте с точностью до метра. Сейчас уже можно скачать из Интернета программу для мобильного телефона, которая позволяет указывать, где ты находишься, и куда за тобой двигаться. Отмирает возможность для человека сменить личность или «исчезнуть из обращения», лечь на дно, что называется.

Навсегда исчезнут наличные деньги. Сейчас кажется: ну, как же без них, они же «наше все». Интеграция электронных счетов, кредитных карт, мобильных ближайшего будущего сделают кэш не только лишним, но и мешающим прозрачности

финансовых потоков. Теневая экономика все время мешает жить кому-то, да и нам всем тоже. Ее очень даже несложно вытеснить в той форме, в которой она сейчас есть. Естественно, она что-нибудь придумает, но это другой вопрос. Плохому e-homo будет все сложнее уходить от присмотра Большого Брата. Кому считаться плохим, насколько и почему плохим, станет вопросом все более тонким. Объективность этого вопроса уже будут определять весы Добра и Зла надвигающейся e-цивилизации.

Информационно-коммуникативные технологии формируют нашу e-цивилизацию на наших глазах, с нашим же участием, кстати. Тут был тезис председателя о том, что «не захотим – не будем». Ничего подобного, никто нас не спрашивает. Трансформация идет сама по себе, вымывая из фундамента цивилизации (во всех цивилизациях есть фундамент) принцип либерализма. Нам последние двадцать лет говорят, что принцип либерализма и есть фундамент всей нашей цивилизации. Свободная личность противопоставляется системе. Ничего подобного, система эту личность постепенно адаптирует. Этому процессу в качестве катализатора помогает ширящаяся тотальная, оправдывающая всё борьба с мировым терроризмом. 11 сентября эта борьба была объявлена как уже мировая. Она все подминает под себя, все оправдывает. И мы киваем, а она нас и не спрашивает.

На самом деле панорама еще драматичнее. «Самое святое» нашей цивилизации (это я немножко с юмором говорю) – рынок (мы зачем ломали дрова двадцать лет назад? – ради рынка, который все исправит) – находится под угрозой. Почему? Потому что компьютеризация бизнеса, банковской, налоговой системы делает их все более прозрачными. Они же электронные. Эту прозрачность просто так не увидишь, но проследить-то можно. Случайность на рынке перестает играть доминирующую роль. Тут недалеко и до сообщества: наша якобы рыночная экономика становится сообществом систем управления, в котором каждый знает наилучший вариант своей/чужой игры. Как если бы мастера компьютерных шахмат стали играть на статус мирового лидера. Если они примерно одинаковые по мастерству, то вряд ли что-то из этого получится, поскольку они предвидят чужую игру на N ходов вперед. В результате такого предвидения свободная рыночная экономика сама может стихийно превратиться в стратегически сбалансированное плановое хозяйство, которого нам не хватало двадцать лет назад. Похоже, если бы советская власть прожила еще три десятка лет, то экономические системы в СССР и в цивилизованных странах стали бы практически неотличимыми. Вот начался нынешний кризис, и все стали говорить об участии государства: без него вообще мало что получится, давайте-ка еще миллиарды и миллиарды оттуда перебросим туда и так далее. Поскольку социология и экономика – близнецы-братья, то сходство советской и западной систем могло бы стать просто поразительным. Да, оно еще станет, куда оно денется.

К этой картине осталось добавить широкие средства манипулирования как отдельными гражданами, так и самыми различными группами. Такие возможности сегодня близки к совершенству, манипуляция идет почем зря. Но трансформация homo в e-homo (физически он тот же, а по существу уже другой) добавляет к этому искусству дополнительный набор средств. Прозрачность человека как члена общества делает его идеальным объектом воздействия.

С одной стороны, использование чипов в различных частях тела e-homo, если таковое будет (а оно будет, конечно) создаст неограниченные возможности его совершенствования и как личности, и как элемента e-цивилизации. Отчасти это достижимо и сегодня без всяких нано-прибамбасов. Например, в США многое уже работает очень даже эффективно. То есть e-homo становится развитием вида homo sapiens, умноженным на возможности (создаваемые им же самим) новой технологической цивилизации, помогающей ему превратиться в супер-личность. Но это

цивилизация варианта «А», положительного. Однако сугубо позитивное будущее – не единственное (и, кстати, еще и не самое вероятное). С другой стороны, мир превращается в сочетание технологий – политтехнологий, лингвистического программирования, масс-культуры и т.д. (терминов до черта, да и технологии все время добавляются), – которые создают оптимальный уровень разжижения мозгов, обеспечивающий питательную среду для антиутопии. Назовем эту версию цивилизации альтернативой «Б». В каком-то смысле – это именно тот фарш, который был так замечательно во введении к семинару упомянут. Остается надеяться, что альтернатива «Б» (антиутопия) в этом соревновании цивилизаций не победит и не окажется единственной, а если же разным вариантам придется как-то сосуществовать, то что «А» и «Б» будут сосуществовать не хуже, чем сегодня.

Е-нотто крупным планом. Новый мир, в котором будет жить е-нотто: с одной стороны, это включение в глобальную е-цивилизацию с ее океаном возможностей, а с другой – растущая зависимость от нее, подобно примеру с канализацией, который я упоминал, то есть повреждение е-оболочки будет равносильно катастрофе. Наряду с растущей зависимостью будет расти контроль за человеком, вплоть до тотального, уровень которого не снился и самым авторитарным системам. В тотальных обществах прошлого человек следил за человеком, да и за ним самим надо было следить. А когда это все электронное, сквозное, то тут уже другой расклад.

Осталось представить, кем станет сегодняшний homo, какой импульс получают его индивидуальные способности, какие подпорки и усилители предоставят ему сверхвысокие технологии, и в каких направлениях они сделают возможным развитие традиционных сторон его личности и добавление новых. Поскольку наша задача ограничена, в основном, экстраполяцией нескольких уже сложившихся линий развития информационных технологий, мы сократим это рассмотрение до минимума (это доклад, а не полная статья), достаточного для суммарного отображения сторон портрета нашего е-нотто.

Выше упоминалось, что е-нотто с момента рождения будет находиться в своего рода коконе. Это, конечно, не пять и не десять ближайших лет, а, условно говоря, середина XXI века и дальше. Кокон – это технологическая оболочка, выполняющая функции воспитателя и помощника человека. Это, собственно, никакая не физическая оболочка. Такая оболочка есть и сегодня. Мой компьютер, мой мобильник – это уже часть моей оболочки. Помимо этого, у меня есть свой собственный архив, книги и т.д. и т.п. Все это моя оболочка. Она и в XIX веке была у каждого человека, только создавалась теми средствами, которые тогда были. Теперь она совершенно иная, отличающаяся на порядки. Эта оболочка становится расширением, продолжением, помогающим человеку в развитии и развивающаяся в симбиозе вместе с ним, поскольку она индивидуальная. С ее помощью человек совершенствует интеллект, развивает свои психологические способности, расширяет физические возможности.

Возьмем, к примеру, интеллект. Через Интернет для е-нотто становится достигаемой вся накопленная человеком информация. В Интернет сегодня сливается всё и постепенно налаживается какая-то систематизация. Сейчас в сети мы можем найти всё, что угодно. Между тем, пять или десять лет назад это было невозможно, а сегодня – запросто. Первым делом мы лезем в Интернет, вместо того, чтобы искать книги, листать их и так далее. И это только начало. Дальше будет больше. В распоряжении е-нотто оказываются неограниченные резервы памяти, мощные глобальные технологии (через Интернет, опять-таки) вычислений, поиска, содержательной обработки данных, знаний, оценки, выводов, обобщений. Появляются мощные экспертные системы, а не только справочные. Экспертные системы в любой области будут использоваться человеком для нахождения оптимального решения. Все эти

перечисления иллюстрируют масштаб умножения потенциала человека. То есть, e- homo с данными среднего научного сотрудника может оказаться равным современному НИИ, а то и нескольким. И это будет нормальным явлением. Гениальности это человеку не добавит (потому что он может вообще делать чего-то не то, как обычно), но его мощь, эффективность будут расти совершенно фантастически. И дело тут не только в резервах растущего компьютерного разума. Расширится возможность развития способностей самого человека. Он с детства станет объектом анализа, оценки его индивидуальных способностей, талантов. Мы же с маленькими детьми возимся и тоже стараемся их развить, но это все внутри семьи и так, по касательной. А в e-цивилизации будет постоянный контроль за развитием детей и не как индивидуальное хобби, а как целенаправленное воздействие социальных технологий, направленных на реализацию их способностей, раскручивание талантов и так далее. Глобальная среда будет служить катализатором, необходимым e- homo для дальнейшего совершенствования. Иногда бывает очень талантливый ребенок, а в жизни ему не повезло, и вот он середняк. А может, из такого середняка вполне реально было сделать гения. Просто не всегда понятно, как это сделать, или всегда непонятно, как.

Психология. E- homo может превзойти достижения дзен или йогов в освоении методов адаптации, концентрации, саморегуляции, мобилизации, опираясь не столько на их методы (хотя они могут быть тоже встроены в систему), сколько на поддержку своего кокона. С физиологией в каком-то смысле тоже будет происходить нечто похожее. E- homo получит спектр средств, ориентированных на стимулирование физических возможностей, совершенствование восприятия, функционирования внутренних органов, мозга, мышц и т.д. Та же технология станет частью будущей медицины, поскольку человек получит весь спектр средств: от наноустройств до наиболее передового опыта в интеллектуальных приборах и системах, тех же экспертных, которые будут мерить ему давление и его контролировать. Это позволит сделать невозможное возможным: восстановление и восполнение утраченных или ограниченных по отношению к норме (а может, и не к норме) способностей – протезирование функций зрения, слуха, рук, ног, сердца, реабилитация пострадавших участков мозга, восстановление провалов в памяти или забытых событий прошлого. Они где-то у нас в голове все равно есть, только мы не всегда можем к ним «достучаться».

Тут стоит остановиться, поскольку далеко не все возможности человека достаточно изучены и известны. Этот семинар, как я понимаю, занимается как раз другими способностями. А здесь такой «e- homo». Но есть у человека и другие способности. Есть, например, совершенно невероятные таланты и гениальные способности у людей, часто природой обиженных. В связи с этим развитие глубинных, неисследованных сторон личности может изменить портрет e- homo даже более радикально, чем развитие всех сверхвысоких технологий. Но это когда будет, поскольку мы пока об этом только говорим, а технологии, огромные механизмы уже работают во всю.

Предпоследняя тема: «*От альтер-эго, или от этого кокона к бессмертию*», а дальше уже – итог. Здесь прослеживается перераспределение ролей в тандеме «душа – тело». Даже если мы абсолютно неверующие, то вряд ли мы будем отрицать у себя присутствие души. Она там где-то есть, хотя нам не очень понятна сама система: «тело – душа». Тем не менее, технологии предоставляют нам возможность фиксации все большего разнообразия персональной информации и неограниченные объемы памяти для ее накопления. Вчера отпечаток личности в чем был? Письма, дневники, портреты – это XIX век. Первая половина XX века – это фото, киноматериалы, аудио, видеозаписи. Эта информация – часть личности. Но она будет пухнуть, пухнуть и

пухнуть. Мобильник уже превращается в летописца жизни обладателя. Сейчас там пока случайная информация, как и в записной книжке. Но скоро он будет записывать всю его жизнь, автоматически систематизируя все происходящее. Личные информационные каналы – сообщения, снимки, видео, звуковые клипы и т.д. – это уже все совершенно спокойно может записываться. Но сложность обработки информации будет расти. Включение вышеупомянутой трехмерности, запахов, тактильных ощущений, информации от многочисленных электронных элементов, отражающих состояние организма (биотоков, эмоций) позволяет при желании фиксировать каждую секунду существования человека чуть ли не во всех измерениях, вплоть до того, что ночью можно будет «записывать» сны. И если добавляется возможность фиксировать внутренний виртуальный мир (сны, воспоминания, воображаемые образы), то полнота персональной информации в некотором смысле отделит душу от тела. Но тогда, что остается? При этом душа в этой нашей расширенной персональной активной памяти, которая содержится в е-коконе, будет составлять 0,99 нашего альтер-эго. Число девяток будет, естественно, расти, будет все больше памяти, все больше записей, каналов для воспроизведения этого мега-архива.

Генная инженерия (теперь мы заходим с другого конца) обеспечит возможность заменять сложное устройство, тело, по частям или целиком, подправляя ошибки природы и наследственные недостатки с полной гарантией (пока в этом плане) бессмертия души, на протяжении всего периода цивилизации обеспечивая стабильность этого процесса. Уже сейчас идут сообщения о том, что какие-то части печени доращиваются. В следующий раз она не будет удаляться, а может заменяться, причем не обязательно у кого-то украденной, а искусственной: печень печенью, нога ногой и т.д. и т.п. В результате человек никогда не будет болеть и сможет жить вечно.

Теперь уже, безусловно, итог: *«Бог из машины» и глобальная бифуркация ноосферы.* Итог относительно невеселый – на текущий момент, конечно. Ломка, крутой поворот – это как раз бифуркация, она уже происходит и, возможно, дальше будет происходить непрерывно, кто знает. С наступлением XXI века становится все очевиднее, что происходит замена реальной составляющей картины мира виртуальной. Я говорил, что скоро можно будет всё делать, не выходя из дома, и как бы жить в виртуальности. Возможно, что до этой «точки бифуркации» не так уж и далеко.

На тотальную бифуркацию ноосферы, замену реальности виртуальностью, работают пять мощных факторов сегодняшней цивилизации. Называть ли ее цивилизацией – это вопрос открытый, но она работает, а мы в ней живем.

Первый – виртуализация картины мира. Глобальная машина систем массовой информации управляет процессом формирования нашей картины мира, а следовательно, мозгом и даже душой каждого. Сознание первично, а потому, манипулируя сознанием, можно как угодно переустраивать реальность, заменяя ее виртуальностью. Я помню, например, как в каком-то 1990 году почти все члены КПСС (а к тому моменту их в стране было 18 миллионов) порвали свои партбилеты, за исключением процентов пяти. То есть, они резко сменили свое восприятие реальности на какое-то другое. Здесь, правда, надо еще соображать, что было виртуальностью – то или новое. Но нам каждый день по-своему «промывают мозги», и даже если мы очень сильно этому сопротивляемся, все равно она идет, так или сяк.

Второй – доминирование масскультуры. Формируется этакий всеобщий китч как образ жизни. Масскультура превратилась в доминанту новой эры. Оседлала СМИ и буквально на глазах совершенствуется в мастерстве употребления интеллектуальных ресурсов человечества для забивания гвоздей в homo sapiens с целью окончательной ампутации у него этой обременительной функции «sapiens». Я говорю про разжижение мозгов, а председатель семинара – про «фарш». В каком-то смысле мы говорим про

одно и то же. Разжижение мозгов уже приближается к порогу, за которым способность отличать настоящую реальность от виртуальной исчезает полностью.

Третий – наличие социального заказа. Намертво сросшиеся политика и бизнес – основные заказчики на технологию манипулирования сознанием. Масскультура при этом решает стратегические задачи, превращая клиента в материал, оптимально пластичный для очередных оперативных трансформаций действительности. Меньше чем за век, реклама и пропаганда стали неразличимы в качестве составляющих пиара, который взял на себя функции превращения белого в черное, и наоборот. Такой вот «философский камень» нашего времени.

Четвертый – нарастающие темпы и масштабы НТП. Ротор научно-технического прогресса стремительно увеличивает обороты. Действительно, темп растет прямо на глазах. Я говорил, что лет двадцать назад не было мобильных. Десять лет назад мобильный телефон был не настолько массовым, как сегодня, когда им пользуются 60% человечества. Растет не только сложность нашей среды обитания, множится число ее измерений и темп перемен. Превращение происходит не только в сфере промышленных технологий, где революция в различных областях случается чуть ли не каждый год. Меняется *modus vivendi* человечества: быт, стиль жизни, этика, мораль. Помните известную цитату «жить во время перемен»? Сегодня новые поколения учатся адаптироваться даже не столько к самим переменам, сколько к их скорости. Патология симбиоза общества потребления и поспешности прогресса все очевидней. Важным становится не качество продукта, а степень его новизны. То есть, не реальность процесса, а виртуальность его производной.

Наконец, *пятый – сверхвысокие технологии.* Они вроде Троянского коня, на котором виртуальность победно въезжает в наш и без того не слишком крепкий мозг. Hi-Tech – высокие технологии, становятся все более важной составляющей личности каждого и ноосферы в целом. Это новое измерение готово принять в себя все, что можно оцифровать. А оцифровать, как выясняется, можно практически все.

Эти пять «демонов», принадлежащие породе «бог из машины», дружно работают над приближением всеобщего солипсизма. То есть, такого состояния ноосферы, когда виртуальность в формируемом сознании e- homo станет для его рассудка и даже подсознания более реальной, чем та конкретная действительность, которая остается за рамками его прямого восприятия. Как в фокусе с зеркалами: если сами зеркала не воспринимаются, то зазеркалье невозможно отличить от действительности. На этом принципе построены очень многие фокусы на сцене.

Сумма очевидных фактов может помочь оценить общую картину и сделать выводы. Точки бифуркации этих резких переломов отличаются внезапностью. Все привыкают к текущему порядку. Так мы забыли о том, что 20 лет назад не было мобильных. Помнить-то, конечно, помним, но как-то отчужденно. Все настолько привыкают к текущему порядку событий, что не видят очевидного приближения предстоящего драматического скачка. Заметить его приближение – в этом смысл моего доклада. Сегодня радикальные смены технологий происходят за несколько лет, иногда того быстрее. Те, кто работает в сфере телефонно-мобильного бизнеса, знают, что там вполне новаторские события происходят каждый месяц. Получайте наш дайджест – будете убеждаться.

Надеюсь, что в первом приближении произведенная реконструкция достаточно близка к будущему оригиналу. Хотя она несколько двоятся, совмещая ближний план и более далекий, тем не менее, точка цивилизационной бифуркации, которую я назвал e- homo, слишком близка, чтобы относить ее к сфере научной фантастики. Она у порога. Ее приближение отчетливо опускается уже сегодня. Мы сами профессионально вносим вклад в ее формирование. Это мой ответ на вводное слово председателя

семинара. Подобно остальным глобальным супертехнологиям – атому, космосу, генетике и другим, информационные технологии в начале нового тысячелетия предлагают нам все тот же сомнительный подарок: ящик Пандоры, завернутый в скатерть-самобранку. Спасибо.

Хоружий С.С.: Благодарю, Александр Семенович. Все четко сформулировано, и с таким художественным финалом. Сейчас у нас будет дискуссия. Вы хотите что-то добавить?

Реплика № 1: Да, коротко. Я из Калининграда. Я исследую будущую цивилизацию. Беру, буквально, вчерашние, позавчерашние газеты. Первое исследование – 500 человек, которые работают в компьютерной системе. Из них 85% с большим зрением. Еще факты. Сегодня в 300 раз больше обращаются к врачам люди в возрасте от 18 до 30 лет, чем 10 лет назад. Еще один момент: на 77% увеличилось число онкологических больных среди тех, кто пользуется мобильником. Шведы провели такое исследование – у них в 5 раз больше онкологических заболеваний, если человек пользуется мобильником с 12 лет. Могу еще цифры назвать. Семь лет назад у нас было где-то 60% школьников с патологическими болезнями, сейчас их стало 70%. За 20 последних лет количество больных онкологией в городах увеличилось в 1,7 раза. Я не знаю, к e- homo ли идет человек или к чему-то другому? Но думаю, e- homo поможет. Чем поможет? Уже сейчас 1 миллион человек по данным Всемирной организации здравоохранения представляет собой частичные e- homo. То есть, у этих людей больные органы заменены автоматами. Это человека спасает. Мы идем к тому, что поневоле приходится интегрироваться с техникой. Я думаю, что все-таки цивилизация имеет и второе лицо. Мы разрушаем биосферу, разрушаем биосферный мир. Тем самым мы разрушаем биосферного человека и ползем куда-то.

Нариньяни А.С.: Но так мы поступаем во всем и, в частности, в этом.

Продолжение реплики № 1: Я думаю, что эта цивилизация гораздо сложнее, если мы ее будем анализировать с точки зрения многих современных технологий.

Нариньяни А.С.: Никаких сомнений. И этот аспект будет интересным.

Продолжение реплики № 1: Желаю Вам успехов в этих исследованиях. Но только с таким небольшим дополнением.

Нариньяни А.С.: Если принять во внимание Ваше последнее утверждение, что e- homo – это небольшая часть общего апокалипсиса, то это дополнение скорее «большое».

Хоружий С.С.: Первая реплика к докладу уже прозвучала. Симптоматично, реплика была о том же, на что доклад обращал внимание. В описываемых процессах, несомненно, есть внушительная коллекция антропологически негативных эффектов. Социальные эффекты тоже упоминались, но акцент был сделан докладчиком как раз на антропологию. Причем в докладе была прослежена динамика: эффекты характеризуются накоплением и нарастанием. И это не «болезни роста», как это могло бы быть: пока высокие технологии еще не такие «высокие», у них есть негативные моменты, но в дальнейшем, по мере развития, они снимутся. Тональность же доклада была совершенно иная. Напротив, говорилось, что эти негативные эффекты суммируются и сгущаются.

По-моему, слушатели тоже обратили внимание на этот баланс, который, конечно, всех занимает. Я бы в качестве предмета для дискуссии более отчетливо заострил постановку вопроса. О чем идет речь, когда мы констатируем эти неприятные эффекты в большом количестве? Понятно, что все мы интуитивно ставим вопрос: «А есть ли какие-то возможности что-то с этим сделать? Каковы наши отношения к этим эффектам?». У нас с докладчиком диалогичность вполне получилась. Поставленный мной вначале вопрос прояснился в значительной мере. Но все-таки я для себя

хотел бы получить ответ на самый капитальный вопрос, поскольку он принципиален. Возможно, на него действительно однозначного ответа и нет. А вопрос таков, если поставить его ребром, он всего один. Вот нам описали процесс развития техносферы: она развивается так-то и так-то. Человеку же на это остается реагировать. По Аристотелю, техносфере принадлежит действие, на долю человека – претерпевание. Так вот, примат техносферы над человеком – есть железный закон? Так это или не так? Откуда он взялся, если это железный закон? Почему невозможна противоположная картина? Спросим себя: возможны ли в принципе – если не управляемость путями развития техносферы со стороны человека, не примат человека по отношению к тому, что он сам же создал, то хотя бы интерактивность, взаимодействие, хотя бы некая тяжба между собственными тенденциями развития техносферы и стратегиями, которые человек для себя формулирует, исходя из своих личностных структур, запросов, предпочтений?

Как мне представляется, описанная докладчиком картина – это панорама собственных тенденций развития техносферы. А человек в лице докладчика взирал на эти тенденции и констатировал, что в них есть много для него неприятного. Так вот вопрос: можно ли не просто критически констатировать, а развивать некие стратегии, которые бы эти неприятности блокировали, парировали, модерировали, модулировали и так далее? Вот каков вопрос. Для меня ответ на него, безусловно, лежит в антропологической области. Каков человек, который этот вопрос ставит или не ставит? Виртуальный человек, предполагаемый в докладе, таких вопросов, очевидно, не ставит. Он – «автоматически претерпевающий».

Нариньяни А.С.: А разве сам доклад – это не есть отрицательный ответ на Ваш вопрос? Известна такая поговорка, афоризм: «Предупрежден – значит вооружен».

Хоружий С.С.: Конечно, конечно. Критическая оценка – уже первая стадия появления альтернативной стратегии.

Нариньяни А.С.: Если просто в этом живешь, то это означает претерпевание. Если же осознаешь, да еще стараешься это как-то системно оценить, то тут уже иная ситуация.

Хоружий С.С.: Еще бы, критическая рефлексия здесь крайне необходима. Это прямой шаг к формулировке альтернативных стратегий.

Нариньяни А.С.: Кстати, я хочу сказать, что в отличие от ситуации «с дегтем и перьями», я все-таки представил не апокалипсис. Тут есть и положительная сторона, и отрицательная сторона. К положительной мы всегда, как дети, готовы. Нам в первую очередь: «Давайте», а то, что от этого будет понос, мы не думаем. Отрицательная сторона нас раздражает.

Хоружий С.С.: Дело, наверное, не в раздражении, а в формировании ответной стратегии. Раздражение – это плохая ответная стратегия.

Нариньяни А.С.: Я думаю, что раздражение – это побуждение к формированию. Раз раздражает, надо что-то делать.

Хоружий С.С.: Вот-вот. Хочу напомнить еще один пункт. Обычный круг понятий нашего семинара имеет прямое отношение к поставленному вопросу: возможна ли альтернатива? Если все развивается так, как развивается, то за этим лежит антропологическая предпосылка совершившегося перехода человека в виртуальную топику. Но этот переход на данный момент отнюдь не является свершившимся фактом. Вся проблематика нашего семинара разворачивается на том, что есть другие топики, другие представители homo, которые именуются «человеком онтологическим» в отношениях с бытием и «человеком онтически», который не определяет себя из бытия, но все-таки развивает отношения с онтически иным в себе. Это две другие реализации homo, предполагающие иную реакцию на ту картину, которая была

описана. Так что антропологически вопрос звучит так: насколько еще онтологический человек способен сегодня формулировать какие-то стратегии? Я открываю дискуссию.

Шукин Д.: Во-первых, хотелось бы коротко ответить на Ваш первоначальный вопрос. Что доказывает необратимость изменений, которые представлены? Если человеку это интересно, приятно, приносит успех, то те тенденции и тренды, которые приводят к трансформации человека в e- homo, осуществляются. Получается, что общий мировой тренд именно таков. Но из истории мы знаем и другие примеры. Скажем, человек когда-то из первобытного стал классическим, но остались племена, которые, не знаю, хотели или не хотели меняться, но они просто остались. Человек может оставаться в любом своем состоянии. Но при этом общий мировой тренд – он определенный. И, в конечном счете, он оказывается навязанным для человечества в целом.

Есть ли стратегии сопротивления? Их навскидку всего две. Либо это отказ от изменений: мы будем жить, условно говоря, первобытным обществом (я утрирую, конечно), но я буду свободен от мира. Вторая стратегия заключается в том, что человек сможет инженерно управлять этим процессом. Быть, условно говоря, главой того технологического развития, которое осуществляется. В этой стратегии вопросов тоже очень много. Например, теорию относительности и вообще современную физику в целом понимают какое-то весьма ограниченное число человек. То же самое можно сказать про работу современного компьютера. Кто-то понимает, как в нем все устроено, но таких специалистов – единицы. На рынке их труд стоит дорого. Получается, что ситуация создает такие предпосылки, что нарисованная тенденция становится какой-то обязательной.

Нариньяни А.С.: Не могли бы вы свести Вашу реплику к одной-двум фразам, резюмировать, поскольку Ваше выступление было многомерным? В чем суть?

Шукин Д.: Вопрос изначально был такой: одобряете ли Вы это развитие? Или надо сопротивляться? В общем-то, из доклада это стало очевидным. Некоторая надежда Вами была высказана. Но понятно, что человеку гораздо проще навредить, чем не навредить. Просто я совершенно не понимаю, каким образом можно добиваться предпочтения одной стратегии над другой.

Нариньяни А.С.: Я говорил про стратегию, которая реализуется сама. Вы спрашиваете про то, как из нее перейти в какое-то другое русло, где отрицательные части убыли бы, а положительные остались бы?

Шукин Д.: Ну да, что, по-вашему, нужно делать, чтобы оказаться в благоприятной цивилизации?

Нариньяни А.С.: Вопрос, конечно, достаточно риторический. Есть у меня статья про солипсизм, про контраст между виртуальностью и реальностью. И то, и другое довольно условно. Это же целая философия, как я понимаю. Ультраобраз солипсизма – это крыса, которой в мозжечок вживляют электрод, и она начинает бежать, и бежит, пока не помрет. В том, что происходит, чистого солипсизма нет, но в каком-то смысле мы все решаем какие-то оперативно-тактические, технические задачи. Они все сообщают нас туда и тащат, и получается результат «Б». Хотим-то, вроде, «А», а получается «Б». Более того, мы не хотим ни «А», ни «Б». Если спросить напрямую, что хотим, то все голосуют за «А», с одной стороны. Но с другой, там есть еще куча мелочей. Сегодня я иду и покупаю новый мобильник. Он, во-первых, дешевле и лучше. А во-вторых, у всех новый, а у меня нет. А вы говорите об ответах исторической важности.

Шукин Д.: Значит, надежда, это просто надежда, пока ни на чем не основанная? «Надеюсь, все будет хорошо»?

Нариньяни А.С.: Нет. Я даже слова такого не говорил. Я говорил, что есть такая альтернатива. А «я надеюсь» – это уже другой доклад.

Хоружий С.С.: Ну, и другая тональность, конечно. Не очень научная уже. «Надежды юношей питают». Друзья, очень много было рук. Насколько я помню, одна из первых была Розалия Моисеевна Рупова.

Рупова Р.М.: У меня возникло несколько реакций. Во-первых, на то, что сказал Дмитрий Шукин. Мне кажется, что инженерный путь преодоления отрицательных последствий такой эволюции вторичен по отношению к тому решению, которое принимает личность. Личность выстраивается прежде всего через другие типы конституции человека. В частности, в онтологической топике и онтической. Человек, выстроивший систему первичных ценностей, может принимать уже и инженерные решения. Это реакция на то, что сказал Дмитрий.

Еще по докладу. Эволюция по варианту «А», где складывается суперличность, оценивается как позитивная. Однако позитивность самих установок на суперличность тоже вызывает сомнения. Она есть следствие какой-то непроработанности ценностной структуры личности как таковой. У меня такие замечания.

Нариньяни А.С.: Насчет ценностей. Мы покупаем новый мобильник из чисто бытовых соображений. Они все совершенно понятны. Но тем самым мы косвенно поддерживаем тех людей, которые их производят, которые туда напихивают различные функции и сервисы. Это как раз одна из сотен составляющих этой цивилизации. Она идет сама по себе, а мы – покупаем мобильный телефон и им пользуемся. Мы в этом мире живем уже отчасти по его законам.

Все эти типы личности, о которых вы говорите – я не знаком в деталях с Вашими представлениями, но думаю, они присутствуют и внутри нас, и ведут дискуссию между собою: «Купить или осознать?». Ну, ладно, я осознал и не купил. Но там же четыре с половиной миллиарда продано. Ну, на одного меньше будет. Значит, должно быть что-то другое. Я согласен, с тем, что позитив есть, но это отдельная тема. То, что мы обсуждаем, не сводится, как мне кажется, ни к простому вопросу, ни к простому ответу. Человечество – оно такое. А насчет солипсизма, который давит на педаль, потому что ему хорошо, это просто предельно упрощенная картина. В этом смысле такой солипсизм во всех нас есть. Хотим есть – спешим обедать, и едим то, что есть, потому что есть хочется.

Овчинникова Т.Н.: Анализируя реальность, Вы сосредоточили все внимание именно на цивилизации, на одном ее аспекте. А если рассмотреть человека, который находится в меняющемся мире и волен сделать выбор, волен воздействовать на этот мир, то, наверное, это была бы немножко другая картина, нежели та, которую Вы нарисовали. В нарисованной Вами картине я чувствую обреченность, поскольку в ней отсутствует субъект, который вообще волен что-то выбирать и делать. У меня такое впечатление, что цивилизация навалилась на человека и постепенно его раздавливает.

Нариньяни А.С.: Ну, это ощущение. А я-то фотографию показываю, которая обычно не замечается.

Реплика № 2: Я работаю в Управлении информации Технического университета им. Баумана. В нашем университете много лет проходят семинары, которые посвящены человеку. И тема, затронутая Вами, очень горячая: куда идет человечество, как развивается цивилизация и к чему все-таки придет мир. Потеряет ли человек сам себя? Съест ли его железо, сам ли себя он уничтожит, либо все-таки выживет? Это глобальная проблема.

Хоружий С.С.: Будьте добры, не нужно общих слов, пожалуйста. Сразу переходите к делу.

Продолжение реплики № 2: Мне очень понравилась реплика психолога: неминуемость тенденции развития, которую описал докладчик, выглядит как катастрофа и рождает пессимизм. Хочется верить, что e- homo все-таки сохранит себя как человека. Об этом, наверное, можно и нужно говорить.

Нариньяни А.С.: Я целиком к Вам присоединяюсь. Но если бы я был физиком, и в 1940 году в такой же замечательной аудитории рассказывал, что через 5–10 лет появятся атомные технологии, и, с одной стороны, будут атомные станции, а с другой – атомные бомбы, а с третьей – еще какие-то полезные излучения и т.д., то как бы это было воспринято? Как констатация того, что все идет к апокалипсису. Хотя еще даже не было тех самых бомб, сброшенных на Японию. А они были, всего две, а могло бы быть и 22 тысячи, и еще не так давно. Тем не менее, куда-то мы движемся. Теперь новый апокалипсис. Есть одна статья, которая начинается словами: «По минному полю, наобум, в никуда...». Здесь одни мины, там – другие, и атомные никуда не делись. И что теперь делать? Выдавать только «здоровый оптимизм», как в 1953 году у нас по радио? Или что? Но мы на этом и погорели. Хотя оптимизм был, и он был замечательным, но когда он тотальный, и ничего другого не видят, то результат плачевен.

Продолжение реплики № 2: Вспомните 2000 год. Говорили, что будет апокалипсис в компьютерной системе. И сколько на этом заработали!

Нариньяни А.С.: Но не я, потому что я-то понимал и знал на уровне своей компетентности, что это просто ерунда.

Хоружий С.С.: Друзья, я призываю к научной предметности все-таки. А то мы скатываемся на какую-то массовую публицистику – пересказ надежд, что хорошо и что плохо. Предметнее, пожалуйста, формулируйте вопросы по докладу. Вот у Вас уже давно намечался вопрос.

Богданова О.А.: Та картина, которую Вы нарисовали, на мой взгляд, вписывается и даже в каком-то смысле иллюстрирует положение Сергея Сергеевича Хоружего о нисходящем движении по антропологической границе. Это то, что в конечном итоге ведет к эвтаназии. Так что пессимизм понятен. Но есть возможность (об этом уже сегодня говорили) «онтологического сопротивления». Безусловно, скольжение по антропологической границе ведет к утрате онтологического статуса человека и к тому, что человечество не спасется, в христианской терминологии. Но у меня к Вам такой вопрос: то, что происходит, как Вы это нарисовали – это происходит само собой, спонтанно? Вот так всё складывается, катится само собой или все-таки идет развитие по какому-то сценарию или сверхсценарию каких-то сил, человеческих или нечеловеческих? Может, мой вопрос звучит наивно, но вот он такой. Что вы думаете?

Нариньяни А.С.: Спасибо за вопрос. Один ответ, конечно, состоит в том, что это «мировой заговор». Но я не думаю, чтобы мировой заговор мог запустить развитие цивилизации высоких технологий. Оно само запускается.

А вообще есть развилки в истории человечества, когда можно было пойти по этой дорожке, а можно было по той. Очень может быть, что пойдя мы по другой дороге, те же высокие технологии развивались бы в совершенно другом аспекте. Но всё не так пессимистично, как Вы это воспринимаете. Я еще раз говорю – не первый, но, видимо, не последний раз – никакой это не пессимизм. С моей точки зрения, это просто стереокартина. Есть позитивные стороны, а есть отрицательные, и все они видны. Я, конечно, могу опять вернуться к 1953 году и рассказывать, что «все у нас будет позитивно, а у них там, конечно, только негативно», но стоит ли? Посмотрите мою статью в «Вопросах философии». Там, если внимательно смотреть, совершенно равный позитив.

Богданова О.А.: Николай Федоров тоже писал о будущем, но совершенно в других терминах, с других позиций. Он тоже говорит о точке бифуркации, но почему-то она проходит в другом направлении. Может быть, там что-то сработало, какая-то воля?

Нариньяни А.С.: Точек бифуркации может быть много. К такому развороту темы я не готовился. Ответ на такой вопрос требует достаточно глубоких размышлений, хотя бы просмотра и анализа нескольких примеров таких развилок, где люди могли пойти по-другому. Мы часто сталкиваемся с такими объяснениями, что вот, мол, была развилка тогда-то. Пошли бы другим путем – жили бы как в Дании. В этом смысле можно подумать и что-нибудь такое сказать.

Клеопов Д.А.: Если я правильно понял, одна из тем доклада заключалась в том, что человек все больше и больше выносит во вне себя то, что раньше считалось исконно человеческим – информацию. В связи с этим возникает вопрос: какую часть человек может вынести вне себя так, чтобы потом без этих электронных костылей не потерять самоидентификацию? Если бы я был марксистом, то сказал бы, что человек нечто «отчуждает от себя», от своей личности. Что с этим происходит? Если я не ошибаюсь, еще в прошлом веке Киреевский разрабатывал «теорию симфонической личности». Не возникает ли из этих отчужденных структур человеческой личности в технологических пространствах какие-то подобию «симфонических личностей», «квази-личностей». И что с этим делать? Если это так, если возникают такие квази-личности, то, получается, что мы должны перестраивать антропологию. Ранняя светская антропология знала только одну личность – личность человека. Антропология религиозная знала тоже одну личность – личность Бога, к которой человеческая личность должна стремиться. А здесь мы должны выстраивать, по сути, иную антропологию, очень интересную. Мы должны строить антропологию с размытыми границами, где есть целый спектр личностей, которые определенным образом друг в друга проникают. Вы этим не занимались?

Нариньяни А.С.: Нет, я этим не занимался, но в какой-то степени мы все этим занимаемся. У меня два внука – 3 и 5 лет. Сейчас они – одна личность, а могут быть сотней абсолютно разных. Я пока просто не знаю, кто из них получится: молодой Моцарт или математик. То есть, какая будет личность как нечто целое.

Клеопов Д.А.: Я не говорю о человеческой личности, а говорю как раз о личности нечеловеческой, о возможности нечеловеческих личностей.

Нариньяни А.С.: В примере с моим внуком пяти лет – он кто в плане вашего вопроса?

Хоружий С.С.: Здесь речь о другом – о коллективных личностных образованиях, а не об индивидуальных.

Нариньяни А.С.: Я привел конкретный пример, относящийся к ребенку. Но то же самое можно сказать и про коллективные образования. Нашелся лидер, или пришел человек, сделал доклад, а его тут же раскатали, и родилось еще десять противоположных докладов. И поехало! У меня есть такая метафора. Между понятиями истина и правда идет вечный спор. Предположим, что истина объективна. Истину я сравниваю с граненым стаканом, в котором в норме 11 граней. А правда – это сколько граней на самом деле. А на самом деле их 10, а не 11. Берем, условно говоря, «красную» правду. Она достаточно четкая и прозрачная, и спорить с ней невозможно, потому что это правда. Противоположные ей – «белая», «зеленая», еще какая-то, – и все они правды. Под это и собираются люди миллионами, учреждают потом какой-нибудь исторический вердикт. А истина – она как раз в том, что все эти правды в своей противоположности отражают «нечто». В этом плане вы высказывали тезисы, которые вам очень близки и понятны. Мне они менее близки и понятны. Видимо, это какая-то чуть-чуть другая грань.

Хоружий С.С.: Другая правда. Вот семинар для того и собирается, чтобы они как-то интегрировались в истину.

Нариньяни А.С.: Поэтому я и вспомнил эту метафору. Она наглядная.

Королев А.Д.: Я работаю в Институте философии РАН. У меня есть замечание по поводу развилки. Сорок лет назад были свернуты очень многие программы. Свернуты программы исследования космоса практически во всех странах, не только в Советском Союзе, но и в США. Например, программа полета человека на Марс. Свернуты программы исследования океана, получения новых источников энергии, развития новых видов транспорта. Только сейчас мы потихоньку возвращаемся к ним. Приоритет отдали той технике, о которой вы рассказали в своем замечательном докладе, спасибо вам большое за доклад. У людей всегда есть выбор, но также есть группы товарищей, которые делают этот выбор. Остальных же просто ставят их перед фактом. Это одно замечание.

Второе замечание. Можно электронную технику попытаться сравнить с книгопечатанием. Дело в том, что 500 лет назад книгопечатание для европейцев было не меньшей катастрофой, чем электронная техника для нас сегодня. Книгопечатание проделало отбор, по крайней мере, для христианского мира, для Северной Америки, для Европы, для России. В буквальном смысле слова книгопечатание уничтожило половину населения Европы. Выглядело это как войны и как эпидемии. Считалось, что они погибают по другой причине.

Нариньяни А.С.: А на самом деле?

Королев А.Е.: На самом деле, они погибали, потому что не могли научиться читать и писать. Физиология им не позволяла это сделать. То же самое происходит и сейчас. Электронная техника просто делает очень жесткий отбор, и не все пройдут через этот отбор. Интернет и сотовые телефоны выдвигают совершенно другие требования к мозгу человека. Вот и все.

Нариньяни А.С.: Как это? Четыре с половиной миллиарда сегодня пользуются мобильными телефонами. Значит, через три-четыре года это будет чуть ли не всё человечество. Говорят даже (где-то такое высказывание есть), что можно создать телефон с простыми пятью кнопками, которым будут замечательно пользоваться люди, живущие еще в каменном веке, как некоторые племена в Андах. Они живут в каменном веке, но мобильным телефоном будут пользоваться. Они просто увидят, что это полезно, что можно разговаривать с Васей, который ушел на охоту, спросить жену, что будет на ужин. То есть простое, бытовое, примитивное использование, совершенно «каменновековое». И будут в этих пяти кнопках прекрасно разбираться.

Если бы Вы получали дайджест, то нашли бы там информацию о том, что смартфоны за 10 и 20 долларов уже «на выпуске».

Королев А.Е.: Да, конечно, сейчас современной техникой, например, пользуются африканцы и бедуины, которые пасут верблюдов. Я и не говорю, что современной техникой не смогут пользоваться. Смогут пользоваться, но какие-то народы вымрут в результате пользования этой техникой, а другие, наоборот, будут увеличивать свою рождаемость. Техникой будут пользоваться все, но только последствия будут прямо противоположные. Вот в чем проблема.

Нариньяни А.С.: Билл Гейтс, один из столпов информационных технологий «Microsoft», свои миллиарды сейчас вкладывает в такие прививки или таблетки для Африки, которые бы сократили рождаемость. Так что косвенно, может быть, Вы и правы.

Долгоруцкий Л.: Я психолог и психотерапевт. На мой взгляд, действительно, доклад был больше про культуру, если так можно выразиться, или про среду, а не про человека. Это мое ощущение от того, что я слышал. Я объясню почему. Прежде всего,

надо знать, что человека делает человеком. Я понимаю, что появляются новые средства, новые возможности. Но в этом месте возникает вопрос: а остается ли человек человеком? Вот этот горизонт до конца не понятен.

Нариньяни А.С.: Возьмем, к примеру, мыслящего человека XVII века. У него лошадь была лучший друг и так далее. Если ему сказать, что настанет время, когда лошадей у людей не будет, они будут на четырех колесах мотаться и нюхать бензин, он бы сказал: «Так они утратят вообще свой облик». И он будет в чем-то прав.

Долгоруцкий Л.: Это немножко другое. Я имею в виду представление о некоей идентичности человека. Кто есть человек? Куда есть человек? Зачем есть человек? Такой горизонт. Может быть, это к вопросу об онтологичности человека. То, что я слышу, вызывает у меня вопрос: «зачем?». Для меня это какое-то бездумное орудие. Я бы так это назвал. В этом месте непонятно, сколь человек субъектен.

Нариньяни А.С.: Я с Вами согласен. Просто поневоле возникает вопрос: Первая мировая война – где там человек? Как-никак, там несколько миллионов уложили. Просто я хочу сказать: в том, что человек учиняет... Где там человек? Если задавать вопрос, как Вы, то каждый раз возникает вопрос: «А человек-то там есть?». Но это происходит. И больше того, миллионами гибнут, а другие орден за это получают.

Долгоруцкий Л.: В рамках этого семинара был ряд докладов по суфизму, по исихазму, по хасидизму. В этом смысле были продемонстрированы некоторые векторы к человеку внутреннему. Здесь вектор немножко уходит в другую сторону.

Нариньяни А.С.: Интересно. По поводу суфизма интересно, потому что вообще на тему суфизма теорий пять разных существует, что такое суфизм.

Кузнецов А.И.: Я работаю начальником отдела инноваций, но это к вопросу не относится. Отчасти мой вопрос уже прозвучал. Я его попробую переформулировать. Возможно, Вы сможете дать ответ на него, или подумаете, или дадите ссылочку. Мне кажется, что ключевой вопрос можно сформулировать так. Человек будет продолжать существовать или не будет продолжать существовать? Чтобы на этот вопрос можно было ответить, надо, наверное, его почетче сформулировать. Скажем, мы наблюдаем смену контекста, условно говоря, социального, технологического, цивилизационного. Какой инвариант необходимо сохранить (или какой бы вы выделили, или, может быть, вы знаете, кто выделил), который может пережить предельный переход? У нас сейчас этот контекст, он у нас смешанный, да? А будет другой контекст. Это первый вопрос.

А второй – это ремарка, небольшое замечание. Ведь мы же не первый раз сталкиваемся со сменой искусственности. Скажем, смена конфессий. Известный человек сказал: «Бог умер». Да? Это же тоже искусственность. Мы сталкиваемся с вторжением разного рода искусственности. Вторглись машины, компьютеры.

Нариньяни А.С.: А каменная баба-то первая? Она тоже искусственная.

Кузнецов А.И.: Я женщину оставил в покое. Так вот, может быть, Вы думали над этим. Какой инвариант должен сохраниться? Потому что слово «фарш» мне не очень нравится. Есть еще «офисный планктон». Какие-то другие подобные метафоры. Мне это неинтересно. Мне интересно что? Как, с точки зрения активной позиции, изменяется нечто, изменяется образ. В этом плане, как Вы думаете, какие есть конструктивные пути поиска данного инварианта как чисто антропного измерения? Потому что, мне кажется, не всем будет интересно жить, если человек исчезнет. Тараканы останутся, муравьи. Надеюсь, что я смог спросить.

Нариньяни А.С.: Понятно. Мне кажется, что этот вопрос в той или иной форме фигурировал до того. Если это кто-то воспринял как сугубый пессимизм, тогда есть только мрак, мрак и мрак. Где выход? Или что делать? Или так – зачем этот мрак рисовать? Зачем это докладчик делает? Докладчик говорит, что он просто это заметил

и показывает, что такое есть. Можно воспринимать это как мрак, можно воспринимать как часть экстраполяции.

Это не ответ, конечно. Но в докладе говорилось: есть «А» – это вся позитивная часть, когда электроника идет на пользу человечества. Действительно, польза значительная. Есть вторая часть. Заговор ли всеобщий, или просто черная сторона в человеке, или лукавый постоянно что-то там выделяет. Это вся негативная часть того же самого. Позитивная часть волей-неволей как-то соблюдается. Но я не вижу пока человечества как решающего собственную судьбу. Но так может получиться. Удачное сочетание бывало в истории человечества, правда? Потом из этого не очень понятно, что получилось. Христианство пришло как совершенно замечательный новый тренд на фоне всех империй, многобожества и вообще всякого, да? Пришло христианство и все, вроде, выправилось, а окончилось тем же самым. Поэтому я здесь не то, что не берусь – не хочу отвечать. В данном случае доклад был не про это. Но мне кажется, что выбор есть. И, конечно, надеюсь, тихо говоря, потому что болею за человечество. И я надеюсь, что эта первая позитивная часть как доминанта, может быть, не единственная, она просто эту «Б» заламает и победит. Тогда человечество необычайно усилится. Оно само вправе решать. Знаете, сейчас есть замечательные люди, которые говорят: «Больше ничего не хочу, уезжаю – не то, что в деревню, а на хутор, и буду жить вот там». Никаких проблем с испорченной канализацией уже не будет. Без холодильника, без телевизора – вообще без всего. И живет себе прекрасно.

Богданова О.А.: Вы на вопрос так и не ответили.

Нариньяни А.С.: А именно? Вы хотите, чтобы я Вам рецепт дал?

Кузнецов А.И.: Нет, докладчик ответил. Хуже, если бы он дал рецепт. Здесь остается открытое пространство проблемы, и мы можем думать над этим.

Хоружий С.С.: Друзья, не будем хаотизировать обсуждение. Особого концептуального углубления, к сожалению, в нашей дискуссии не происходит. Я полагаю, мы все с этим согласимся. Звучат все те же и те же мотивы. Я думаю, согласимся на том, что все мы болельщики человечества, присоединимся в этом к докладчику. Будем двигаться к заключению.

Щукин Д.: В конце было сказано, что точка отсчета новой цивилизации – где-то в будущем и не определена. Если брать какую-то четкую, фиксированную точку, то она уже прошла, когда человечество сделало шаг, и на уровне сообщества этот выбор уже сделан.

Нариньяни А.С.: То есть огонь в пещере уже развели.

Щукин Д.: Да. То есть, ее можно как-то фиксировать. Поэтому остается фактически только личный выбор.

Нариньяни А.С.: Почему? Я с Вами совершенно не согласен, поскольку сегодня еще, условно говоря, рецепты есть. А вот может быть лет через 50 всё настолько уже будет под Большим Братом, что он уследит, что там что-то складывается не то.

Реплика из зала № 3: Доклад подводит нас к описанию тринадцатой главы Откровения Иоанна Богослова – Апокалипсису. Происходит то, что предначертано в Священном Писании. Как, на Ваш взгляд, будут складываться отношения сопротивления и веры?

Нариньяни А.С.: Это, по-моему, у Будды где-то есть: «Мне все равно, кому вы молитесь. Кому бы вы ни молились, вы молитесь мне». Так что с этой точки зрения, это просто объективный снимок. Снимок же, как известно, не заменяет реальность. Это констатация, вот что имеет место, и из него вытекает то-то и то-то. Тут нет пока ни оценок, ни теорий. В дискуссии звучало два момента. С одной стороны – «да это мы всё знаем!», а с другой стороны – «это опять апокалипсис». А тут совсем не

апокалипсис. Это такая стереокартинка. А насчет «все знаю». Знаете – замечательно. Я думаю, что собрать в целое картинку полезно, – не совсем все знают всё. Для этого и доклад делается.

Хоружий С.С.: Совершенно верно. Доклад был, безусловно, очень стимулирующий. Вопреки тому, что Вы в последней реплике сказали, элемент оценочности был. Позитивность и негативность – это звучало. Но это задает, действительно, серьезную проблематику для нас, которую я в заключении в терминах нашего семинара и сформулирую. Безусловно, за всеми этими в разной степени невнятными и взволнованными изъятиями стоит одна проблема, к которой выходим не только мы, а вообще антропологическая мысль. Сие есть кардинальная проблема изучения возможностей и способов модификации антропологических трендов. Можно ли купировать одни тренды, культивировать, усиливать и поддерживать другие? Блокировать, соединять и т.д. Может ли человек работать с антропологическими трендами? В частности, с трендами антропотехнологического развития, которые сегодня рассматривались. Это и есть глобальная проблема, к которой наш семинар постепенно выходит. Сначала нужно, конечно, рассмотреть, о каких трендах речь, выстроить некий репертуар. Сегодняшний доклад нам в этом поможет. Но сразу ясно, что волнует всех: можем ли мы эти тренды менять, влиять на них, переходить от констатации к работе, к разработкам? Это следующая очень принципиальная задача. В частности, практически во всех сегодняшних выступлениях мы к ней волей-неволей выходим. В Новосибирске проходят рабочие семинары по синергийной антропологии. На ближайший декабрь у нас намечена именно эта тема: «Проблематика модификаций антропологических трендов». На этом поблагодарим Александра Семеновича за необычайно стимулирующий доклад. Большое Вам спасибо.